

Когда-то давно они знали друг друга. Но это было давно.

А тут встретились случайно у старых знакомых, которые, провожая их обоих в прихожей, смущённо молчали и подавали тяжёлые зимние пальто.

Спустились вместе на лифте. Из тёмного подъезда наконец вышли в затеявшийся снегопад. Он привычно втянул голову в плечи и зашагал к ближайшему метро. Она пошла туда же.

Едва успели на последнюю электричку. Садиться они не стали. На следующей станции ему нужно было выходить. Она помнила, потому что когда-то сама доезжала до той же станции и привычно выбегала на пересадку. Теперь оба они, держась за перила, застыли у самых дверей.

Всю дорогу молчали. В темноте туннеля окна вагона, запутавшись в том, что им отражать, соединяли всё разом – внутренности вагона, бегущие провода, сигнальные фонари и щитки рекламы. В чём-то красном он был непривычно красив. Она незаметно рассматривала его в стекле. А её белое пальто то и дело наезжало на его красное бледными пятнами.

Нестерпимо хотелось спать. Но их всё сильней и сильней раскачивало навстречу друг другу. Поэтому краски в оконном отражении грозились смешаться. В глубине вагона дремал какой-то бездомный дед. Его тоже мотало из стороны в сторону, но он спал, согласившись с вагонными судорогами, и не замечал опасного смещения красок.

Вдруг ей подумалось ненужное. Представила, как он доберётся до своего дома, просочится в тёплую однокомнатную квартиру, включит свет, вскипятит чайник. Оборвала мысль. Не нужно.

И вдруг во внезапном торможении поезда белое, оторвавшись от поручня, неожиданно врезалось в красное. И потонуло в нём. Пунцовые пятна обхватили его и

замкнули в тесный круг. Цвета замерли. Белое неожиданно съёжилось и, словно опомнившись, отшатнулось от красного и снова ухватилось за поручень.

Он смотрел на неё сверху вниз – взволнованно, жадно. Её шапка съехала набок, но она не стала поправлять. В этот миг он шагнул к ней навстречу. Задыхаясь, что-то закричал, пытаясь вновь обнять белое. Но оно испуганно закричало. И, выпростав обе руки, стало отталкивать красное.

Всё это длилось невыносимо долго, пока электричка, бешено завизжав, не вырвалась из черноты туннеля на платформу станции. Красное вдруг обмякло. Яркий, неоновый свет смазал, как засвеченный кадр, все отражения и выбросил красное в разъехавшиеся двери вагона.

Он кинулся через платформу к стоящему напротив поезду. Запрыгнул в вагон. И лишь потом обернулся.

Она смотрела ему вслед. Лишь секунду. А может, и ещё меньше. Даже непонятно было, чем можно было измерить это мгновение, пока двери вагонов были ещё открыты, а победное красное ещё сияло напротив.

Двери вагона сомкнулись. И его электричку какая-то дикая, удивившая её сила утащила в туннель.

Она медленно прислонилась щекой к стеклу. Облегчённо закрыла глаза. И, хотя её всё дальше и дальше уносило от когда-то знакомой станции, ей всё ещё казалось, что эта пугающая, непонятная ей сила ещё швыряет в неё опасное красное, много красного, густые пятна безжалостного, чужого красного, щедрого красного. И заливает её белое. Уничтожает белое. Отрицает её белое как цвет.

Он выбрался из метро, когда снег уже окончательно завалил тротуар. И побрёл по запорошенному бездорожью, сливаясь со свежесвыпавшим снегом и чёрной ниткой следов обнаруживая свой одинокий путь до самого дома.